

Хоры шли, по обыкновенію, прекрасно.

Г. капельмейстеръ Ричи, весьма старательно разучивъ оперу съ своими учениками, столько же старательно управлялъ оркестромъ, такъ что достигъ многихъ оттѣнковъ, которыми насъ оркестры итальянской и русской оперы обыкновенно не очень-то балуютъ.

Что во многихъ мѣстахъ отчаянно шумная оркестровка заглушала молодые голоса солистовъ, которые, напротивъ, надо щадить и щадить — въ этомъ вина не капельмейстера, а самого автора оперы.

Исполнители должны считать себя счастливыми, что имъ довелось испытать свои силы въ Большомъ театрѣ, гдѣ резонансъ отлично-хорошъ, а не въ театрѣ-циркѣ, который очень милъ въ архитектурномъ отношеніи, но очень не выгоденъ въ акустическомъ.

Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, удачное, интересное исполненіе дѣлаетъ эту оперу спектаклемъ привлекательнымъ, и заставляетъ быть менѣе строгимъ къ слабой ея музыкѣ, которая, конечно, со многихъ сторонъ должна уступить даже Флотовскимъ операмъ.

Нашъ Глинка

передъ судомъ нѣмецкихъ фельетонистовъ *).

Въ столбцахъ этого журнала много и много разъ была выражена мысль: «какъ долго надобно ждать сколько нибудь справедливыхъ приговоровъ надъ художественными произведеніями, запечатлѣнными геніальностью!»

Если произведенія, кромѣ силы генія (силы космополитной, по преимуществу), проникнуты еще свойствами совершенно особыми, въ связи съ данною національностью — красоты такихъ произведеній еще менѣе доступны для публики чужой, и иногда, по разнымъ предразсудкамъ, не расположенной къ художнику.

Мы довольно часто упоминали, что и въ Россіи еще слишкомъ, слишкомъ мало отдають справедливости созданіямъ великаго отечественнаго музыканта. И это естественно: созданія его глубоко національны, но слишкомъ высоко стоятъ въ искусствѣ, чтобы сдѣлаться «популярными» — а просвѣщенные цѣнители и судьи музыкальнаго дѣла довольно рѣдки *вездѣ*, тѣмъ болѣе должны являться феноменальнымъ исключеніемъ — у насъ.

Въ Германіи, вообще говоря, музыкальный вкусъ образованнѣе нежели во всѣхъ другихъ земляхъ, но и Нѣмцы въ оцѣнкѣ истинной геніальности

*) Театр. и Муз. Вѣстн. 1858 г., № 19.

подвигаются медленно, не скоро освобождаются отъ взглядовъ рутинныхъ, пристрастныхъ.

То, что ближе подходитъ къ формамъ любимыхъ Нѣмцами авторовъ послѣдняго времени, напр. Мендельсона, и само по себѣ лишено высшей художественной печати, скоро приобретаетъ въ Германіи и извѣстность, и симпатію, напримѣръ, сочиненія нашего же соотечественника, но совершенно *нѣмецкаго* композитора и слабого подражателя Мендельсону—А. Рубинштейна.

То, что богато формами для Германцевъ новыми, непривычными, что въ высокой степени оригинально, въ мысли и въ выполненіи, непременно вызоветъ толки болѣе или менѣе кривые, а симпатіи еще долго не дождется.

Но всему есть мѣра! Какъ замѣчательный примѣръ невѣроятныхъ криво толковъ даже необъяснимыхъ иначе, какъ умыленною «подкупленною» несправедливостію, помѣстимъ здѣсь переводъ одной статьи изъ Лейпцигскаго музыкальнаго журнала «Signale für die Musikalische Welt» (№ 23-й), по случаю четырехъ окрестровыхъ партитуръ Глинки, изданныхъ за границею иждивеніемъ сестры композитора Людмилы Ивановны Шестаковой.

Вотъ какъ гласятъ почтенные «Сигналы»: «Глинка былъ хваленый (gefeierter—?) русскій композиторъ, который за недолго назадъ умеръ, оставивъ нѣсколько сочиненій, изданныхъ теперь его сестрою.

«Передъ нами теперь эти партитуры, въ которыхъ не заключается ни малѣйшаго слѣда русско-національнаго характера; эти произведенія можно прямо приписать—Оберу или Галеви, до такой степени эта музыка чисто-французская (so erzfranzösisch sind sie durchweg). Но извѣстное дѣло, что все французское (das französische Wesen) очень симпатично (?) русскимъ и совершенно «жилося у нихъ въ такъ называемое высшее общество, дающее тонъ (Tonangebende Gesellschaft—«французскій» характеръ въ сочиненіяхъ Глинки, слѣдуетъ признать явленіемъ очень-естественнымъ и въ этомъ слѣдуетъ даже отдать композитору нѣкоторую справедливость, отрицая въ немъ всякое болѣе глубокое значеніе: Глинкѣ не достааетъ самобытности въ творческомъ духѣ (es fehlt ihm an ursprünglicher Geistesnatur), онъ композиторъ для такого общества, гдѣ на первомъ планѣ—условность приличія. (Wo die Convention Gebieterin ist).

«Приписавъ Глинкѣ въ такой сферѣ очень пріятный «talent de société» (eine lebenswürdigee Gesellschaftsnatur) и назвавъ его чрезвычайно-знающимъ, опытнымъ и умнымъ композиторомъ, мы полагаемъ, что даемъ вѣрную общую характеристику».

«Партитуры, изданныя въ Германіи слѣдующія:

Увертюра къ волшебной оперѣ: «Русланъ и Людмила», Каприціо (Capriccio brillante) въ видѣ увертюры на мотивъ Арагонской Хоты; увертюра къ оперѣ: «Жизнь за Царя»—и фантазія на испанскія темы «Souvenirs d'une nuit d'été à Madrid».

«Всѣ четыре произведенія отличаются гладкостью формы (?), легкостью,

приятностью (?) фантази съ бездною оригинальныхъ и прелестныхъ проблемъ, въ особенности же тщательною, эффектною, иногда—отлично придуманною (zusammengestellte) инструментовкою».

«Во всѣхъ произведеніяхъ, если онѣ будутъ недурно исполнены, нельзя не признать особыи, тонкій родъ салонно-оркестровой музыки (orchester salonmusik?). О двухъ оперныхъ увертюрахъ нельзя сказать ничего больше (?) какъ что онѣ отличаются пикантными модуляціями,—вообще же выдержаны въ обыкновенномъ французско-граціозномъ характерѣ; зато двѣ испанскія фантази вызываютъ болѣе внимательное разсмотрѣніе..... (Слѣдуютъ похвалы нѣкоторымъ подробностямъ «хоты», а затѣмъ г. рецензентъ прибавляетъ): «Я воображаю, что эти обѣ фантази покажутся весьма-вкусными десертными блюдами даже въ очень степенныхъ оркестровыхъ концертахъ, а еслибъ я былъ дирижеромъ лѣтней инструментальной музыки высшаго сорта, я помѣстилъ бы въ свой репертуаръ всѣ четыре партитуры».—(Какое счастье! честь какая»)!!!

«Желательно, чтобы онѣ въ скоромъ времени стали исполняться для увеселенія (zum Amusement) музыкальной публики».

Подписано: Кер.

Praetium magister triste habet! Величайшая въ свѣтѣ музыка—(последнія творенія Бетховена) ровно черезъ тридцать лѣтъ послѣ своего рожденія вызвала въ музыкально-критической литературѣ постыднѣйшій пасквиль.

Глядя на ходъ музыкальныхъ дѣлъ съ этой точки, можно успокоиться и за Глинку, что въ Россіи, черезъ двадцать лѣтъ послѣ созданія оперы «Жизнь за Царя» явился въ печати только одинъ подробный о ней отчетъ—такъ и оставшійся жалко-неудачнымъ покушеніемъ на критическій разборъ. (Статья г. Ростислава въ Сѣв. Пчелѣ за 1854). А изданныя за границею четыре геніальныя партитуры въ свою очередь встрѣчаютъ теперь такой невѣжественный пріемъ со стороны германскихъ музыкальныхъ судей! Утѣшить себя философіею—можно; но какъ бы то ни было: рана остается ранюю; боль—болью! досада—досадою!

Газетка «Сигналы» не пользуется, конечно, репутаціею ни справедливости, ни толковости, ни добросовѣстности, скорѣе извѣстна именно: отсутствіемъ этихъ качествъ—тѣмъ не менѣе имѣетъ тысячи подписчиковъ въ разныхъ углахъ читающаго по-нѣмецки міра. Бездна музыкантовъ получить теперь о музыкѣ Глинки совершенно ложное понятіе, а скоро ли оно разрушится ближайшимъ знакомствомъ съ самими произведеніями, о которыхъ рѣчь идетъ?!

Грубая ошибочность или постыдная недобросовѣстность въ приведенномъ нами приговорѣ и коментаріи не требуютъ!

Видѣть въ увертюрахъ Глинкиныхъ оперъ—духъ Обера или Галеви (!!) отрицать въ Глинкѣ—національность, самобытность, оригинальность,—считать «апофеозомъ» для такихъ произведеній—исполненіе ихъ въ садовыхъ оркестрахъ

въ родѣ Гунгля и Штрауса—такъ далеко въ туповидѣніи не заходилъ даже самъ король туповидцовъ—Фетись!

Какъ бы г. Кег согласилъ съ своимъ мудрымъ приговоромъ тотъ фактъ, что оперу «французски-граціознаго, салоннаго композитора»—оперу, всю написанную въ томъ же духѣ какъ и увертюра (и на тѣже самыя мотивы), великосвѣтское общество, подѣ вкусъ котораго будтобъ Глинка подлаживался—провозгласило «музыкою кучеровъ»?

Какъ бы г. Кег опровергнувъ фактическія доказательства (которыя будутъ ему подсунуты въ свое время), что въ разработкѣ аррагонскаго плясоваго напѣва гениальность Глинки достигаетъ совершенно бетховенской серьезности, въ высотѣ полета почти равняется съ первѣйшимъ въ свѣтѣ симфонистомъ?!

Съ какой стороны можно сдѣлать хоть малѣйшій упрекъ второй изъ испанскихъ фантазій? Не новы ли въ искусствѣ эти граціозныя формы,—какъ будто случайно-навизанныя на одну нить, между тѣмъ связанныя между собою глубоко-скрытымъ организмомъ? Много ли на свѣтѣ произведеній, въ которыхъ вѣяла бы такая нѣжность и грація—до малѣйшихъ оттѣнковъ ритма и оркестровки? Много ли на свѣтѣ произведеній, которыя могли бы поспорить съ увертюрами Глинкиныхъ оперъ въ оригинальности концепціи и обдѣлки?

О слѣпота! о невѣдѣніе! или... о продажность журнальнаго суда!

Слово «продажность» вызываетъ понятіе о «покупкѣ». Кому же нужно «подкупомъ» исказать нѣмецкія журнальныя мнѣнія о русскомъ артистѣ? Тѣмъ нужно, для которыхъ возрастающая слава Глинки будетъ какъ бѣльмо на глазу,—тѣмъ, которые еще при жизни великаго нашего композитора совершали разныя продѣлки въ Германіи, что бы заранѣе выставить его въ невыгодномъ свѣтѣ.

Зависть—извѣстное свойство полу-артистовъ, полу-талантовъ, полу-знаменитостей.

Есть слухи, что въ одной изъ вѣнскихъ музыкальныхъ газетъ появилась статейка о тѣхъ же партитурахъ Глинки, передъ которой—говорять—отзывъ въ «Signale»—восторженная похвала.

И долго, долго еще придется намъ все это терпѣть, особенно если еще не скоро будутъ изданы въ свѣтъ полныя оркестровыя партитуры обѣихъ оперъ Глинки, музыки въ драмѣ «Холмскій» и фантазій на «Камаринскую».

Конечно, никакія въ свѣтѣ усилія не заставятъ полюбить музыку Глинки въ Европѣ, если на то еще время не пришло; однако ревностно стараться о распространеніи вѣрныхъ понятій объ этой музыкѣ уничтоженіемъ ложныхъ, и практическимъ ознакомленіемъ съ самими произведеніями—долгъ cadaго изъ русскихъ, кто любитъ искусство. Вотъ почему, доложивъ русской публикѣ о такой враждебности нѣмецкой музыкальной критики къ нашему великому художнику, приступить надо немедленно къ полемической дѣятельности на одной аренѣ съ противниками Глинки, т. е. въ журналахъ нѣмецкихъ.